

Ponkoilu (рус. Понколы) < карел. *Ponkoi* < рус. Понкрат; *Riiškal* (рус. Рышкала) < карел. *Riiška* < рус. Григорий; *T'erkul* (рус. Терккула) < карел. *T'erkku* < рус. Терентий.

ИК — История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 1 / ред. А. И. Копанев, А. Г. Маньков ; Т. 2 / ред. И. А. Чернякова и др. Петрозаводск ; Йоенсуу, 1987–1991.

Кузьмин Д. В. Карельские женские имена // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 105–127.

ПИОК — Письменные известия о карелах / С. И. Кочкуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990.

Л. В. Куркина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lyukurkina@rambler.ru

Звукоподражательная и экспрессивная лексика как источник реконструкции распавшихся этимологических гнезд

Предложена попытка реконструкции этимологического тождества редких, разрозненных диалектизмов, обычно определяемых в литературе как неясные или изначально имеющие звукоподражательную или экспрессивную природу. При более внимательном анализе материала с учетом возможных структурных и семантических изменений появляется возможность с некоторой долей вероятности этимологически связать изолированные диалектизмы, сблизившиеся со звукоподражательными образованиями или образованиями других этимологических гнезд. Звукоподражательная или экспрессивная лексика хранит следы архаичных основ, которые могут стать одним из источников реконструкции распавшихся этимологических связей.

Первым в ряду изолированных образований следует назвать гидроним *Толотый* (на Верхнем Дону), приведенный О. Н. Трубачевым в перечне «выразительно региональных» древнерусских, славянских

гидронимов древнего вида, но без опоры в существующей апеллятивной лексике [Трубачев, 1994, 9]. Этот гидроним имеет структуру причастного образования на *-т*, построенного по типу *молотый* — *молоть*, *поротый* — *пороть* и т. д., от основы незасвидетельствованного глагола **telt'i*. Сам глагол утрачен, но образования, связанные с этим глаголом, по причине формальных различий, обусловленных, в частности, чередованием гласных в корне, сблизились и частично растворились в составе других гнезд звукоподражательных, частично экспрессивных образований.

След этой глагольной основы сохраняют восточнославянские образования, расширенные экспрессивными формантами *-уж*, *-юц*, *-ск*: ср. укр. диал. *телюжитися* = *теліжитися*, *телюцитися* ‘тащиться, медленно ехать’ [Гринченко, 4, 253], *утелюцити* ‘всучить, навязать, дать’ [Там же, 362] и рус. диал. *утелёскасть* ‘убежать’ [СРНГ, 48, 147], блр. *тэліёшчыті* ‘насилу поднять, нести через силу’ и др. [ЕСУМ, 5, 541], также укр. *телэхнути* ‘сильно стукнуть’, рус. *телешийть* ‘идти торопясь, поспешая, но неуклюже, неповоротливо’ [СРНГ, 44, 9]. Частично образования испытывают притяжение со стороны производных от *тело*, ср. рус. диал. *телешийть(ся)* ‘снимать одежду, раздевать(ся)’ [Там же].

В экспрессивно окрашенной лексике можно видеть отражение вариантов основы с разными степенями чередования корневого вокализма. С корневым *-о-* от основы того же глагола отмечены образования с разными расширителями — укр. *толубити* ‘толочить’ (с пометой «неясно») [ЕСУМ, 5, 594], рус. диал. *толыжный* ‘торчащий’, *толыснуть* ‘сильно ударить’ [СРНГ, 44, 220], и т. п. К ним примыкает рус. диал. *перетол* ‘ячменная крупа, источенная, ободранная в ступе’ [Там же, 26, 242], хотя для этого отглагольного образования не исключена возможность усечения формы *перетол-очь*.

Степень редукции в корне предполагается для некоторых диалектных экспрессивных образований. Шахматов полагал, что укр. **телелхнути* ‘сильно стукнуть’, *телёвхати* явилось результатом удвоения основы **tɨl-* с гласным в ступени редукции, со слоговым *l* и выпадением начального согласного второй части удвоения, т. е. из **tɨltɨlxati* [Шахматов, 1902, 361, 378].

Основа с удлинением гласного в ступени редукции — в рус. костр. *потиловка* ‘маленькая мельница, принадлежавшая одной семье’ [СРНГ,

30, 281]. Возможным отражением той же основы являются рус. диал. *тиліскаць*, *тиліснуть* ‘бить, колотить, хлестать кого-л.’, ‘сильно дернуть, рвануть’, ‘рвать что-л. в клочья’, ‘красть, воровать’, ‘сильно бежать’ [СРНГ, 44, 124; Фасмер, 4, 57].

Изолированные, рассеянные по диалектам лексемы с общим значением ‘бить, толочь’ (> ‘идти; бежать’) обнаруживают структурную и семантическую близость с продолжениями славянских гнезд, в которых та же исходная основа получает расширители *-m*, *-p*, — **tel-m-/ *tol-m-/ *tyl-m-* и **tel-p-/ *tol-p-* (ср. чеш. *vytlemiti* (*ústa*, *rtý*) ‘осклабиться’, *tlámat* ‘есть, жевать’, рус. диал. *сúтоломня* ‘толкотня, давка’, польск. *thum* ‘толпа’ и т. д. и рус. диал. *теленать* ‘трясти, болтать, тихо идти’, болг. *тлѣпам* ‘брести’ и т. д.).

В контексте восстанавливаемых отношений могут получить объяснение некоторые этимологически темные слова. Речь идет о реконструируемых для праславянского языка диалектных образованиях, в структуре которых допустимо выделение префикса **pa-*, а именно **patъla / *patъly* ‘космы’ и **patъlati* (ср. с.-х. *pātlati*, *pātļām* ‘чистить и мять лен’, чеш. *patlati* ‘глупо болтать; халтурить’, *patlati se* ‘возиться (обычно руками) в какой-то грязной полужидкой массе; что-л. кропотливо делать, стараться’, диал. *patlat se* ‘идти с трудом’, *patlat* ‘кропотливо делать что-л.’, рус. диал. *патлѣть* ‘трепать, клочить, косматить, теребить, драть за патлы’, укр. *пáтлати*, *-аю* ‘теребить, лохматить’) [ЭССЯ, 41, 237–238]. В силу ограниченных возможностей материала любое из предлагаемых решений имеет право на существование, но при этом оно остается гипотезой, оставляющей вопросы и не исключающей возможности иных подходов к объяснению. Для **patъla / *patъly*, ограниченного восточнославянским ареалом, не лишена оснований версия о заимствовании из балтийских языков (ср. лит. *pākulos* ‘пакля’ ~ *kūlti* ‘бить, молотить’) с последующим нивелированием семантических различий между именем и глаголом. Другую природу имеет глагол **patъlati*. Для него, поставленного в ряд восстанавливаемых отношений, отпадает необходимость в выделении форманта *-l-*, особенно характерного для звукоподражательных и экспрессивных глаголов, и соотнесении с семантически отдаленным **patati* (польск. диал. *patać* ‘махать, трепать крыльями’) с очень неясной этимологией. Глаголы на *-ati* **patъlati / *patslati* можно объяснить в рамках этимологического гнезда с основой **tel-* как образование с гласным в ступени редукции

от имени с префиксом **ра-*, экспрессивного обозначения человека неухоженного, лохматого, неловкого и т. п.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. Киев, 1907–1909.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Трубачев О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1991–1993 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1994. С. 3–23.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми // Изв. ОРЯС. 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 303–382.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

В. С. Кучко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
kuchko@inbox.ru

К семантико-мотивационной реконструкции русских диалектных слов, обозначающих группы людей*

Идеограмма «группа людей» хорошо разработана в русских говорах, причем частотность тех или иных значений в массиве этой лексики показывает, какие именно признаки разных объединений привлекают внимание номинатора: распространены обозначения «группа для

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

© Кучко В. С., 2019